

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).027(=512.1)'ковуи'

КОВУИ: РАССЕЛЕНИЕ, СТАТУС, МИГРАЦИИ

В. А. Кучкин

РАН, Институт российской истории,
г. Москва, Россия

В основу статьи положены данные киевского свода 1198 г., который сохранился в составе Ипатьевской летописи. Это свидетельства летописных статей 1151, 1161, 1169 и 1180 гг. о кочевниках – ковуях. В домонгольское время они проживали на территориях Киевского и Черниговского княжеств. Вместе с другими кочевническими этносами (печенегами, торками, берендеями) они служили русским князьям, участвовали в их междоусобных войнах и в походах на внешних врагов. Русские князья были заинтересованы более всего в военной службе ковуев. Первоначально эта служба осуществлялась под командованием военачальников-ковуев, но затем такое положение стало изменяться, ковуями стал руководить назначаемый князем русский боярин. Несмотря на малочисленность сведений о ковуях, выясняется, что они меняли места своих расселений, стремясь быть поближе к защищавшим их русским крепостям. В случае острых конфликтов с правившими князьями ковуи переходили в другие княжества, где им предоставлялись земли для проживания и ведения хозяйства. Фиксируется, таким образом, существование в XII в. на Руси внутренних кочевнических миграций.

Ключевые слова: *Ипатьевская летопись, киевский свод 1198 г., кочевники-ковуи, их места расселения, организация службы русским князьям.*

В русских средневековых источниках название «ковуи», относившееся к одному из тюркских этносов, впервые встречается в тексте Ипатьевской летописи при описании событий весны – лета 1151 г. То было временем острой борьбы за киевский стол между двумя потомками Владимира Мономаха: его старшим внуком Изяславом Мстиславичем, захватившим Киев вскоре после смерти черниговского князя Всеволода Ольговича, правившего в Киеве в 1139–1146 гг., и старшим сыном Мономаха от второго брака Юрием Долгоруким, владевшим далёким от Киева Суздальским княжеством. Подробные описания столкновений двух князей – близких родственников – сохранила та часть Ипатьевской летописи, что восходит к киевскому своду 1198 г., составленному при правлении в Киеве смоленского князя Рюрика Ростиславича. Это, однако, не означает, что все статьи о событиях на Руси с середины XII в. по конец указанного столетия имели киевское происхождение. Свод 1198 г. представлял собой сложную повествовательную мозаику, составленную преимущественно на основе киевских

летописных записей, но также черниговских, владими́ро-суздальских, новгородских, владими́ро-волынских, переяславских и галичских. Поэтому для выяснения того, в летописании какого центра впервые появляются упоминания о ковуях, надо внимательно рассмотреть показания статьи мартовского 6659 г. Ипатьевской летописи¹, где раскрывается история заключительной стадии вооруженной борьбы Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким, затронувшей и этих кочевников.

Говоря о действиях весной 1151 г. соперничавших между собой Изяслава и Юрия, летописец сообщает, что «Вячьславъ же и Изяславъ с братомъ своимъ Ростиславомъ, и съ Изяславомъ Давыдовичемъ, и съ Ярославомъ, братомъ своимъ, и съ городеньскимъ княземъ, и с дружиною своею, и с кияны, и с Черными Клобукуы, и тако оугадавшє, поидоша по сеи странѣ Днѣ пра...»². Речь идёт о противниках Юрия Долгорукого, собравшихся в Киеве и выступивших против суздальского князя и его союзников. В таком случае летописное указание на «сю сторону» Днепра имеет в виду днепровское правобережье. Следовательно, летописец работал в одном из городов, находившихся на правом берегу Днепра.

Далее, повествуя о поражении Юрия Долгорукого и союзных ему князей на р. Руте, летописец отметил, что, спасаясь от победителей, «Гюрге же перебѣ же Днѣ прѣ оу Треполя и с дѣтми и ѣха по онои в Переяславль»³. Под «онои» в летописи понимается левая сторона Днепра. На днепровском левобережье стоял Переяславль, где намеревался укрыться суздальский князь. Если левый берег Днепра был для летописца стороной не «сей», а «оной», то это ещё раз указывает на то, что летописец жил в одном из центров днепровского правобережья.

Относительно места проживания этого летописца ценный материал содержит другой фрагмент статьи 6659 года Ипатьевской летописи. Такое свидетельство древнего источника следует привести полностью, но сначала необходимо пояснить, что предшествовало описанным во фрагменте событиям. После выступления из Киева объединенных сил князей Вячеслава Владимировича, Изяслава Мстиславича, младшего брата Изяслава смоленского князя Ростислава Мстиславича, другого их брата Владимира, позднее получившего прозвище Мачешича, перешедшего на сторону этих князей черниговского князя Изяслава Давыдовича и городенского князя Бориса соединённое войско подошло к Ивану и там остановилось. Должны были поступить свежие сведения о противнике. Получив известия о том, что к высадившимся на правый берег Днепра в районе Заруба силам сыновей Юрия Долгорукого, черниговских князей Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича и поддерживавших их половцев присоединилось ос-

¹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 141.

Berezhkov N. G., *Khronologiya russkogo letopisaniya*, М., 1963, S. 141

² ПСРЛ. СПб. 1908. Т. II. Стб. 424.

PSRL, SPb., 1908, T. II, Stb. 424.

³ Там же. Стб. 440.

Ibid, Stb. 440.

новное войско Юрия Долгорукого, полки Вячеслава, Изяслава, его братьев и союзников оставили Иван и вернулись в Киев. Топоним «Иван» долгое время ни с чем не отождествлялся, и местонахождение объекта с таким названием было неизвестно. Однако в 1927 г. археологами было высказано мнение, что в XII в. Иваном называлось село Ржищево, которое имело и второе название – Иван Гора. Здесь в 1927 г. и позднее были проведены археологические работы, которые показали, что городище в Ржищево было древнерусским укреплением XII–XIII вв., которыми датируются как остатки рвов и валов, так и извлечённый из земли вещевой материал. Это городище находилось на правом берегу Днепра ниже Заруба, но выше Витичева⁴.

Однако отождествление летописного Ивана с позднейшей Иван Горой представляется неправомерным. Получается, что, собирая сведения о противнике, войска Изяслава Мстиславича и его союзников сосредоточились в месте, лежащем по Днепру ниже Заруба, в котором сумели соединиться все силы Юрия Долгорукого. Тем не менее Изяслав Мстиславич и поддерживавшие его князья, возвращаясь в Киев, без каких-либо помех прошли мимо Заруба, а вернувшись в Киев, как показано будет ниже, стали рассуждать о том, следует ли им идти походом на суздальского князя к Зарубу. Очевидно, что упомянутое единственное раз в летописи укрепление Иван находилось совсем в другом месте, чем село Ржищево. Оно располагалось недалеко от Киева, к югу или к юго-востоку от него, возможно, в бассейне р. Стугны.

По возвращении от Ивана в Киев князья собрали военный совет. Изяслав и Ростислав Мстиславичи предлагали начать наступление на Юрия Долгорукого, для чего надо было идти к Зарубу. Но другие князья, чёрные клобуки, даже дружинники Ростислава резонно указывали на то, что конные полки Юрия Долгорукого и его союзников передвигаются быстрее, чем их собственное войско, состоявшее не только из конницы, но и из пехоты. При движении Изяслава на Заруб Юрий Долгорукий мог скрытно послать свою конницу в противоположном направлении к р. Роси и Стугне, и такую конницу, если её преследовать, конно-пешему войску было бы не догнать. Земли по р. Роси и Стугне, а далее Киев остались бы без защиты. Поэтому Изяслав и его союзники вынуждены были ограничиться исключительно оборонительными мерами. Чёрные клобуки ещё на пути к Киеву советовали воинственным русским князьям: «Поѣ дѣте оу свои Киевѣ, а к нам приставите брата своего Володимира, ать поѣ демъ къ своимъ вежамъ, займоуче же хочемъ вежѣ своѣ, и жены своѣ, и дѣ ти своѣ, и стада своя, и што своего всего, поидемъ же къ Киевоу; а вы боудите до вечера в Киевѣ,

⁴ Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 173–174, № 979; Блажевич Н. В. Иван // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 312.

Kuza A. V., *Drevnerusskie gorodishha X–XIII vv. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov*, M., 1996, S. 173–174, № 979; Blazhevich N. V., *Ivan, Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire*, M., 2014, S. 312

и мы боудемъ»⁵. Предложение «своих поганных», как иногда называли чёрных клубуков русские летописи⁶, было принято. Описание летописцем реализации их совета представляет для исследователей первостепенный интерес.

«Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ, – сообщает далее летопись – ... отрядиша Володимера, брата своего, по вежѣ с Торкы и с Кооуи, и с Берендѣи, и с Печенѣгы, а сами поидоша къ Треполю, и пришедше ко Треполю, тоу же и сташа на ночь. Оутрии же день, яко же солнцю въсходящю, Вячславъ же, Изяславъ и Ростиславъ поидоша отъ Треполя Киевоу чере брокъ (здесь следует читать «через борокъ», т. е. «через лес». – В. К.). Яко же идуща Вячеславъ, Изяславъ, не ходяща в городъ, стаستا товары передъ Золотыми вороты оу Язины, а Изяславъ Давыдовичъ ста mezi Золотыми вороты и mezi Жидовскими, противу Бориславлю двору; а Ростиславъ съ сыномъ своимъ Романомъ ста передъ Жидовскими вороты, и многое множество с ними, а городеньский Борисъ у Лядскихъ воротъ, кияне же всими своими силами и на конѣхъ, и пѣши, и тако сташа. А промежи князи сѣмо сташа от Вячслава, от Изяслава по правоу оли до Изяслава и до Ростислава, а от Ростислава оли и до Олговы могилы, а полѣвоу Вячслава и Изяслава оли до Лядскихъ воротъ. И тако сташа около всего города многое множество. И ото чина же и Володимеръ приде съ всими Черными Клобоуки и с вежами, и съ стады и скоты их, и многое множество. И велику пакость створиша, оно ратнии, а оно своѣ, и манастири оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посѣкоша. Вячславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Володимероу поити с Берендѣи и с вежами, и съ стады их поити ко Олговѣ, и сташа мъжи дѣбрьми от Олговы оли и въ огородъ святаго Иоана, а сѣмо оли до Щковицѣ, а Кооуеве и Торчи, и Печенѣзи тоуда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородомъ до Лядскихъ воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго и до Оугорскихъ воротъ и до Днѣпра. И тако нарядъ створше в собѣ князи и дружина, и Чернии Клобоуци, и кияне. И тако не оудоумаша ити противоу имъ, полкомъ ити биться, но припоустяче ѣк собѣ, тоу же ся бити с ними»⁷.

Приведённый отрывок содержит уникальное свидетельство о протяженности крепостных стен Киева в середине XII в. Указаны Золотые, Жидовские, Ляцкие и Угорские ворота киевской крепости. Перед Золотыми воротами названа Язина, очевидно, какой-то топографический ориентир, упоминаемый в средневековых источниках только один раз, именно в процитированном отрывке статьи 6659 г. Ипатьевской летописи. За пределами городских стен Киев окружали, согласно указанному отрывку, огороды, среди них – «огородъ святаго Иоана», тоже уникальное известие, неизвест-

⁵ ПСРЛ, Т. II, Стб. 426–427.

PSRL, T. II, Stb. 426–427.

⁶ Там же, стб. 623.

Ibid, Stb. 623.

⁷ ПСРЛ, Т. II, Стб. 427–428.

PSRL, T. II, Stb. 427–428.

ное другим древнерусским летописным памятникам. При описании расположения полков, защищавших Киев, летописец упомянул Бориславль двор, против которого поставил свои войска черниговский князь Изяслав Давыдович. Другим источникам Бориславль двор неизвестен. Такое описание столицы Киевского княжества с указанием редких топографических объектов может свидетельствовать только о том, что основной материал статьи 6659 г. является киевским по своему происхождению. Следовательно, неизвестный нам по имени летописец жил и писал в Киеве.

Описывая борьбу за Киев в 1151 г. между владимиристо-волынским князем Изяславом Мстиславичем и суздальским князем Юрием Владимировичем, этот летописец был явно на стороне Изяслава и его союзников. Сообщая о начале битвы на Руте, средневековый историк продолжил: «Богъ же и святая богородица, и сила честнаго животворящаго хреста поможе Вячеславу и Изяславу, и Ростиславу, и ту побѣдиша Гюргя»⁸. Далее, рассказывая о том, как в ходе сражения был выбит из седла и упал на землю князь Изяслав Мстиславич, летописец написал, что к лежавшему князю подошел киевлянин и ударил его мечом по голове. Тогда Изяслав открылся ему: «Азь Изяславъ есмь, князь вашъ» и снял защищавший его шлем. «И позна и, – пишет далее летописец, – и то слышавше мнози, и въсхъйтиша и руками своими с радостью, яко царя и князя своего»⁹. Такие описания, несомненно, свидетельствуют о том, что трудившийся в Киеве летописец был сторонником Изяслава Мстиславича. В итоге можно констатировать, что первые известия о ковуях появляются в летописном тексте, написанном в 50-е гг. XII в. в окружении киевского князя Изяслава Мстиславича.

Обратимся к этим известиям. Хотя они немногочисленны и скупы, некоторые выводы из них сделать можно. Требование чѣрных клобуков, обращѣнное к русским князьям, обеспечить безопасность их веж, где остались беззащитными жѣны и дети кочевников, от возможного нападения занявшего Заруб Юрия Долгорукого, было выполнено. Старшие русские князья «отрядиша Володимера, брата своего, по вежѣ с Торкы и с Кооуи, и с Берендѣи, и с Печенѣгы». Эта летописная фраза позволяет понять, что упомянутая киевским летописцем ранее рать чѣрных клобуков не была этнически единой. Она состояла из торков, берендеев, печенегов и интересующих нас ковуев. В военной обстановке этнические различия между воинами-кочевниками не были существенны, и киевский летописец о них не писал. Но когда речь пошла о защите веж семей этих кочевников, а защита сводилась, главным образом, к перемещению таких семей под охрану киевских укреплений, выяснилось, что в мирной жизни кочевники не перемещивались, как на войне, а жили обособленно, каждая этническая группа в своих вежах. В условиях, когда надо было срочно переместить в другое место значительное количество мирного кочевого населения, необхо-

⁸ ПСРЛ, Т. II, Стб. 438.

PSRL, T. II, Stb. 438.

⁹ Там же. Стб. 439.

Ibid, Stb. 439.

димо было говорить с ним на родных ему языках. Это и достигалось посылкой вместе с русским князем в места проживания кочевников четырёх представителей разных кочевнических этносов. Представители выбирались из числа тех, кто служил в черноклобуцкой коннице. Об этом прямо свидетельствуют слова чёрных клобуков, приведённые в летописи и процитированные выше: «поѣдемъ къ своимъ вежамъ, заимоуче же хотимъ вежѣ своѣ». Когда русские князья начали расставлять свои полки по внешней стороне киевских оборонительных укреплений, к Киеву пришёл князь Владимир: «и ото чина же и Володимеръ приде съ всимы Черными Клобукуы и с вежами, и съ стады и скоты ихъ, и многое множество». Ковуи вместе с торками и печенегами заняли место по огородам от Золотых до Ляцких ворот, обороняя юго-восточную часть города.

Но пополнившие число оборонявших Киев кочевники (впрочем, и свои русские из других княжеств тоже) совершенно не считались с местным населением, которое приютило их. «И велику пакость створиша, оно ратнии, а оно своѣ, – отметил летописец, – и монастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посѣ коша».

Эвакуация жён и детей чёрных клобуков, в их числе и ковуев, была проведена успешно. Были перемещены не только люди, но и стада (повидимому, конские), а также домашний скот. Всё это было сделано в один день, до наступления темноты. Долгота дня на широте Киева во второй половине мая составляет 15 с половиной часов. За это время нужно было доехать до кочевнических веж, собраться в дорогу, взять с собой имущество, согнать в табуны и стада животных, чтобы вести их с собой, а к вечеру со всем скарбом быть в Киеве. Известно, что за светлое время суток Владимир Мономах добирался из Чернигова до Киева. Расстояние между этими городами составляет 139 км. Но Мономах преодолевал такое расстояние, имея запасных коней и не делая длительных остановок. С. А. Плетнёва в своё время полагала, что ковуи кочевали в Поросье¹⁰. Так называлась территория между двумя правыми притоками Днепра: Стугной и Росью. Но Стугна протекала примерно в 50–70 км южнее Киева. В один день достичь Стугны и доставить в Киев значительную часть населения Поросья представляется делом неосуществимым. Надо полагать, что вежи ковуев, как и берендеев, торков, печенегов, в середине XII в. располагались севернее Стугны, ближе к Киеву.

Во всяком случае, более позднее свидетельство 1195 г. Ипатьевской летописи даёт твёрдое основание считать, что черные клобуки (к тому времени уже без ковуев) жили, по меньшей мере, близ самого Киева. В указанном году на переговоры к киевскому князю Рюрику Ростиславичу приехал его родной брат смоленский князь Давыд. Рюрик и его сын Ростислав радушно встретили Давыда, устраивая пиры в его честь. Но и Давыд не оставался в долгу. Как сообщает летопись, «Давыдъ же позва великого князя Рюрика на обѣдъ к собѣ брата своего и дѣти его, и тоу пребыша в весельи и в любви велицѣ. И одаривъ Давыдъ брата своего Рюрика дарми мно-

¹⁰ Плетнева С. А. Коуи // Древняя Русь в средневековом мире. С. 421.
Pletneva S. A., Kouï, Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire, S. 421.

гими и отпусти и. Потом же Давыдъ позва монастыря вся на обѣдъ и бысть с ними весель, и милостыню силноу раздава имъ и нищимъ, и отпусти я. Потомъ же позва Давыдъ Чернии Клобоуци вси, и тоу попишася оу него вси Чернии Клоци (описка вместо «Клобоуци». – В. К.), и одаривъ их дарми многими и отпусти их. Кыянѣ же почаша звати Давыда на пиръ и подаваючи емоу честь великоу и дары многи. Давыдъ же позва Кыянѣ к собѣ на обѣдъ и тоу бысть с ними в весельи мнозѣ и во любви велици и отпусти их»¹¹. Поскольку пиры происходили в Киеве, присутствие на одном из них чёрных клобуков указывает на то, что последние в 90-е гг. XII в. жили в Киеве или близ него. Едва ли насильственное переселение берендеев, ковуев, печенегов и торков летом 1151 г. из своих вож в Киев можно принимать за начало их проживания в столице Киевского княжества или в её окрестностях. По логике вещей кочевые переселенцы должны были вернуться на свои исконные места после поражения Юрия Долгорукого и его союзников на р. Руте летом 1151 г., когда чёрные клобуки могли уже не бояться нападения суздальского князя. Но некоторые из них могли и остаться на новом месте, пополнив число кочевников близ Киева. Во всяком случае, такого рода миграции должны приниматься во внимание при характеристике перемещений населения в средневековой Европе.

Следующее известие о ковуях датируется 1161 г. Оно помещено в той же Ипатьевской летописи в ультрамартовской статье 6670 г.¹² К тому времени один из участников событий 1151 г., черниговский князь Изяслав Давыдович, сумел занять киевский стол. Занял он его в борьбе с сидевшим в Киеве смоленским князем Ростиславом Мстиславичем. Под натиском черниговских и половецких сил Ростислав вынужден был оставить столицу и укрыться в киевском Белгороде. Тогда Изяслав Давыдович начал осаду Белгорода. Но другие русские князья поспешили на выручку Ростиславу. Ипатьевская летопись сообщает, что в конце февраля – начале марта 1161 г. «поиде Мъстиславъ из Володимирия полком своимъ с галичьскою помощью, а Рюрикъ поиде ис Торцьского с Володимеромъ с Андрѣевичем и съ Василкомъ съ Гюргевичем, и с Берендѣи, и с Куи, и с Торкы, и с Печенѣгы, и сняшася оу Котелници со Мъстиславомъ, и оттудѣ поидоша к Бѣлугороду на Мутижирь. И быша на Кучари, и начаша ся просити Чернии Клобуци оу Мъстислава на передь, «ать соглядаемъ, княже, велика ли рать». Мъстиславъ же пусти ѣ. Диции Половци оустерегоша рать и пригнаша къ Изяславу, и повѣдаша ему рать велику. Изяславъ же ни полковъ видивъ, побѣ же от Бѣлугорода»¹³. Союзниками осаждённого Ростислава оказались его старший племянник Мстислав, сын упомянутого выше Изя-

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 682. О дате приезда Давыда Ростиславича в Киев см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 207.

PSRL, T. II, Stb. 682; Berezhkov N. G., *Op. cit.*, S. 207.

¹² *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 157, 173.

Berezhkov N. G., *Op. cit.*, S. 157, 173.

¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 517.

PSRL, T. II, Stb. 517.

слава Мстиславича, сын Ростислава Рюрик, переяславский князь Владимир Андреевич, сын Юрия Долгорукого Василий, а также чёрные клобуки. Этнический состав этих чёрных клобуков представлен в летописи точно таким же, как и в 1151 г.: берендеи, ковуи, торки и печенег, хотя порядок их перечисления в рассказах о событиях 1151 г. и 1161 г. разный.

Существенно, однако, иное. Местом выступления берендеев, ковуев, торков и печенегов в 1161 г. в летописи назван Торческ. Долгое время этот город отождествлялся с древнерусским городищем на р. Торче, правом притоке р. Роси¹⁴. Однако дальнейшее изучение городищ по р. Роси показало, что самое большое из них находится на р. Гороховатке, на более близком к Киеву левобережье р. Роси¹⁵. В таком случае естественно полагать, что ковуи и другие этнические группы кочевников были собраны князем Рюриком Ростиславичем с территории Поросья, лежавшего южнее Стугны и севернее Роси. Если так, то можно утверждать, что примерно к последней трети XII в. чёрные клобуки, в их числе и ковуи, распространили область своего расселения за р. Стугну.

В этом отношении показателен рассказ Ипатьевской летописи о судьбе одного из представителей черных клобуков Воибора Генечевича (Негечевича). Он участвовал в междукняжеской войне 1161 г. и, преследуя бежавшего от Белгорода князя Изяслава Давыдовича, смертельно ранил его. Через короткое время половцы, поддерживавшие Изяслава, совершили набег на русские земли, пленили Воибора Негечевича и казнили как убийцу князя. Объектом нападения половцев была р. Рот (Рут), левый приток р. Роси. Именно там, в области Поросья находились вежи Воибора*¹⁶.

Третье по счёту упоминание ковуев в Ипатьевской летописи относится к началу 1169 г. Оно самое краткое. Сообщается, что, узнав о наступлении на Киев множества русских князей, киевский князь Мстислав Изяславич послал «Михалка князя Дюргевича Новугороду къ сынови с Коуи, Бастеевую чадью...»¹⁷. Михалка – один из младших сыновей Юрия Долгорукого. Бастеева чадь – люди князя берендеев Бастея. Почему был послан Михалка, выясняется из последующих сообщений о нём в Ипатьевской летописи. Под 6682 г. эта летопись отмечает, что Михалка пребывал в Торческе и даже не хотел менять его на Киев¹⁸. Зато оставшийся без князя Пере-

¹⁴ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 252 (Торческ).

Nasonov A. N., «*Russkaya zemlya*» i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva, M., 1951, S. 252 (Torchesk)

¹⁵ Куза А. В. Указ. соч. С. 183, № 1064. Городище площадью ок. 90 гектаров.

Kuza A. V., *Op. cit.*, S. 183, № 1064.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 518, 521.

PSRL, T. II, Stb. 518, 521.

¹⁷ Там же. Стб. 544, под 6678 годом, на два года превышающим стандартный мартовский год. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 157, 180–181.

Ibid, Stb. 544; Berezhkov N. G., *Op. cit.*, S. 157, 180–181.

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 570, 571.

PSRL, T. II, Stb. 570, 571.

яславль Михалка «вохвоти къ Троцькому»¹⁹. Но в середине 1174 г. Михалка был уже в Чернигове²⁰. По всей видимости, в конце 60-х – начале 70-х гг. XII в. Торческ был центром владений Михалки в Киевском княжестве. Отсюда понятно, почему в Новгород в 1169 г. Михалка был послан вместе с ковуями. Они жили в его владениях, возможно, даже близ Торческа. Но как бы там ни было, до Новгорода в 1169 г. Михалке добраться не удалось. По пути он был перехвачен войсками шедших к Киеву из Смоленска князя Романа Ростиславича и из Дорогобужа князя Владимира Андреевича. Весть об отправке в Новгород за помощью Михалки эти князья получили от братьев Романа Рюрика и Давыда. Первый из них правил в то время в Овруче (Вручае), а второй – в Вышгороде. Оба города относились к Киевскому княжеству. Известие об экспедиции Михалки они получили от Бастиа, который сам был участником той же экспедиции и жил в том же Киевском княжестве. По дороге из Межимостья на Мозырь Михалка был остановлен и пленен**. «Ту же льсть издѣ я Бастии надъ Михалкомъ», – заключал свой рассказ летописец²¹. Выясняется, что кочевники, которые жили в Киевском княжестве и должны были служить киевским князьям, относились к последним совершенно по-разному. Если князь Михалко и ковуи честно служили киевскому князю Мстиславу Изяславичу, то Бастиий встал на сторону его врагов. Эту свою позицию Бастиий не менял и в дальнейшем. Ипатьевская летопись сохранила рассказ о том, как Мстислав Изяславич, потеряв Киев в 1169 г., пытался закрепить его за собой весной 1170 г.²² Для этого ему пришлось воевать со смоленским князем Давыдом Ростиславичем за Вышгород. Оказалось, что «оу Давыда же въ градѣ много бѣше дружины своеи и братѣ его помочь», а также союзников и подчиненных правителей, в том числе «и свои Берендичи Бастѣ ева чадь»²³. Эта «чадь» действует теперь самостоятельно, без ковуев. Но обороняет она того же Давыда Ростиславича, которому в 1169 г. Бастиий дал знать о посылке князя Михалки Юрьевича за помощью в Новгород. Поскольку основная часть берендичей в 1170 г. выступала на стороне Мстислава Изяславича, определение «Бастеевой чади» как «своей» для Давыда Ростиславича говорит, скорее всего, о том, что Бастиий начал служить этому князю и вместе со своими сторонниками стал жить в его владениях, переселившись с юга Киевского княжества на его север. Ковуи, судя по рассказу Ипатьевской летописи, участия в событиях 1170 г. не приняли, не поддержав ни Мстислава Изяславича, которому они служили ещё в 1169 г., ни Давыда Ростиславича. Причиной та-

¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 571.

PSRL, T. II, Stb. 571.

²⁰ Там же. Стб. 596.

Ibid, Stb. 596.

²¹ Там же. Стб. 544.

Ibid, Stb. 544.

²² Там же. Стб. 548. О дате события см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 182.

Ibid, Stb. 548; *Berezhkov N. G., Op. cit., S. 182.*

²³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 548.

PSRL, T. II, Stb. 548.

кого поведения могло быть их переселение в другое княжество, о чём речь пойдет ниже.

Последнее упоминание о ковуях относится к 1185 г. Весной того года новгород-северский князь Игорь Святославич, организуя поход на половцев, обратился к своему старшему родственнику, черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу, с просьбой о военной поддержке. Тот направил к нему «Ольстина Олексича, Прохорова внука, с Кооуи черниговскими»²⁴. «Ольстинъ с Кооуи»²⁵ принял участие в первой стычке русских полков с половцами на р. Сюурлий, заставил бежать противника и дал возможность основным силам князя Игоря форсировать степную реку. Когда утром следующего дня русские князья увидели, что окружены половецкой конницей и вступили в сражение с ней, то ковуи действовали вместе с ними вплоть до наступления сумерек. Однако на второе утро ковуи подняли мятеж и оставили поле сражения. Бросившийся удержать их князь Игорь попал в плен, его войско было разгромлено, спастись бегством удалось примерно 15 русским мужам, «а Ковоуемь мнѣ е»²⁶.

Приведённые свидетельства о ковуях характеризуют их прежде всего как воинов. И характеристика эта оказывается скорее отрицательной, чем положительной. Ковуи оказываются вполне дееспособными при наступательных операциях и пасуют при действиях оборонительных, убегая с места сражения. Но помимо общей оценки ковуев как военной силы, сведения о них статьи 1185 г. позволяют осветить некоторые частные вопросы их пребывания в Черниговском княжестве. Выясняется, что ковуи обязаны были выполнять все распоряжения черниговского князя. Ярослав Всеволодович использовал военный потенциал этих кочевников не только для защиты своего княжества, но и для военной помощи соседним князьям. Во главе черниговских ковуев стоял Ольстин Алексич. Это был «муж» (скорее всего, боярин) черниговского князя Ярослава Всеволодовича. В 1184 г. князь Ярослав послал его на переговоры с половецким ханом Кончаком²⁷. Судя по христианским именам отца Ольстина (Алекса) и деда (Прохор), Ольстин был русским человеком, который хорошо знал языки кочевников. Видимо, это качество Ольстина наряду с его знатным происхождением и позволило черниговскому князю поставить его во главе ковуев.

Ещё один момент – определение ковуев князя Ярослава Всеволодовича как черниговских. До этого времени ковуи по русским княжествам, в которых они жили, не назывались. Местоположение их веж определялось по косвенным показателям, и эти косвенные данные указывали на Киевское

²⁴ ПСРЛ, Т. II, Стб. 638.

PSRL, T. II, Stb. 638.

²⁵ Там же. Стб. 640.

Ibid, Stb. 640.

²⁶ ПСРЛ, Т. II, Стб. 644, под 6693 годом мартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 195, 202–203.

PSRL, T. II, Stb. 644; Berezhkov N. G., *Op. cit.*, S. 195, 202–203.

²⁷ ПСРЛ, Т. II, Стб. 635.

PSRL, T. II, Stb. 635.

княжество. В статье 1185 г. Ипатьевской летописи ковуи названы черниговскими только один раз, при своём первом упоминании. В других случаях они в этой статье названы просто ковуями. Тем не менее в научной литературе стало уже традицией рассматривать черниговских ковуев как особую этническую группу, отличную от ковуев киевских, издавна проживавшую на черниговской земле. Известный черниговский археолог В. П. Коваленко помещал ковуев в Черниговском княжестве в Задесеньи (территории по левому берегу р. Десны в ее нижнем течении), в районе древнерусских городов Бохмача, Белавежи и Уненежа²⁸. Это граница Черниговского и Переяславского княжеств. Думается, ковуи в Чернигове должны были жить несколько восточнее, у Выря, на рубежах с Половецкой степью. К указанным В. П. Коваленко трём городам, предположительно относимым им к ковуевским, близко был расположен Всеволож, о котором известно, что в конце 50-х гг. XII в. он относился к числу «пустых» городов, где сидели «псареве же и Половци»²⁹, но не ковуи. Ковуи в Чернигове – явление более позднее. Возникает предположение, что киевские ковуи, отделившиеся в 60-е гг. XII в. от берендеев, торков и печенегов и переданные киевским князем Мстиславом Изяславичем в распоряжение сыну Юрия Долгорукого Михалке, вместе с этим князем примерно к началу 70-х гг. XII в. покинули Поросье и обосновались в Черниговском княжестве. Но доказать правильность или несостоятельность подобного предположения можно будет лишь тогда, когда археологическое исследование юго-западной окраины древнего Черниговского княжества станет более интенсивным. Разгром половцами в 1185 г. дружин князя Игоря и его союзников привёл к почти полному уничтожению ковуев, которые после 1185 г. нигде не упоминаются.

Правда, есть исследователи, которые полагают, что в «Слове о полку Игореве» содержится прямое указание на продолжавших жить в Черниговском княжестве ковуев. Речь идет о помещённом в «Слове» обращении киевского князя Святослава Всеволодовича к своему младшему брату Ярославу, правившему в Чернигове: «А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Ольберы»³⁰. Ранние исследователи «Слова о полку Игореве» полагали, что в приведённом отрывке речь идёт об отрядах восточных народов, служивших черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу. Но в 1844 г. Д. Н. Дубенский высказал догадку, что в обращении князя Святослава к Ярославу Черниговскому названы отряды именно ковуев³¹. Его поддержали многие

²⁸ Коваленко В. П. Коуи черниговские // Древняя Русь в средневековом мире. С. 421–422.

Kovalenko V. P., *Koii Chernigovskie, Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire*, S. 421–422.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 500.

PSRL, T. II, Stb. 500.

³⁰ Слово о полку Игореве // Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание. Л., 1967. С. 51.

Slovo o polku Igoreve, Biblioteka poehta. Bol'shaya seriya, Vtoroe izdanie, L., 1967, S. 51.

³¹ Дубенский Д. Слово о плъку Игореве. М., 1844. С. 139.

Dubenskij D., *Slovo o pl'ku Igoreve*, M., 1844, S. 139.

учёные-слависты и учёные-востоковеды, а в наше время – А. А. Горский³² и целый ряд украинских исследователей. Однако Д. Н. Дубенским и его приверженцами не было принято во внимание то обстоятельство, что обращение Святослава к брату Ярославу последовало после победы половцев над князем Игорем и данными ему в помощь черниговскими ковуями. Как же Святослав мог говорить о мощи своего «многовоевого» брата Ярослава, называя семь могучих ковуевских отрядов, если после поражения Игоря в живых осталось менее 15 ковуев? Делается очевидным, что комментарий Д. Н. Дубенского был несостоятельным. С ошибкой следует расстаться. Отнесение Д. Н. Дубенским к ковуям упомянутых в «Слове о полку Игореве» былей, могутов, татранов, шельбирив, топчаков, реуг и ольберов свидетельствует о том, что он знал об участии ковуев в походе 1185 г. Такое свидетельство он мог почерпнуть из опубликованной в 1843 году Ипатьевской летописи³³. Однако мысль о том, что различные кочевнические подразделения назывались по именам их вождей, Д. Н. Дубенский явно заимствовал у Н. М. Карамзина³⁴. Из основного текста III тома карамзинской «Истории государства Российского» он мог почерпнуть и свидетельство об участии в походе 1185 г. ковуев³⁵. Но вот внимательно ли читал Д. Н. Дубенский примечание 69 Н. М. Карамзина к III тому, где историограф приводил другие свидетельства о ковуях в 1185 г., заимствованные из Ипатьевской летописи, это остаётся под вопросом. Возможно, предлагая свою трактовку того места «Слова о полку Игореве», где говорилось о служивших Ярославу Черниговскому кочевниках, Д. Н. Дубенский просто не знал о почти полном истреблении ковуев в 1185 г. А внимательное изучение всей Ипатьевской летописи показало бы Д. Н. Дубенскому, что ни ковуи, ни другие этнические группы кочевников, входившие в состав чёрных клобуков, не характеризуются по многочисленным более мелким делениям, таким, как племя, род или семья. Подобным образом в Ипатьевской летописи характеризуются только половцы. Так, та же Ипатьевская летопись при описании похода Игоря 1185 г. сообщала, что Игоря пленил «Тарголоуе моужь именовь Чилбоукъ, а Всеволода, брата его, яль Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобоурцевичехъ, а Володимера Копти в Оулашевичихъ»³⁶, называя отдельных половецких воинов, принадлежав-

³² Горский А. А. Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М., 2002. С. 142.

Gorskij A. A., *Slovo o polku Igoreve, Igorya, syna Svyat'slavlya, vnuka Ol'gova*, М., 2002, S. 142.

³³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1843.

Polnoe sobranie russkikh letopisej, SPb., 1843.

³⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 539. Примеч. 69: «Торки и Берендеи назывались часто особенными именами своих начальников». Karamzin N. M., *Istoriya gosudarstva Rossijskogo*, М., 1991, Т. II–III, S. 539. Primech. 69.

³⁵ Там же. С. 390.

Ibid, S. 390.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 644.

PSRL, Т. II, Stb. 644.

ших различным племенам или родам. Поэтому явно нерусских воев черниговского князя Ярослава Всеволодовича «Слова о полку Игореве» надо относить к половцам, которые, как свидетельствует запись 1158 г. Ипатьевской летописи о пустых городах Черниговского княжества, где сидят половцы, служили черниговским князьям.

Но чем же объяснить то обстоятельство, что составители Ипатьевской летописи больше подробностей знают о половцах, чем о «своих поганных» – черных клобуках? Думается, что летописцы, работавшие при княжеских дворах, получали сведения о половцах от своих князей и их окружения, а князья – от своих половецких жен. Со второй половины XI в. русские князья стали брать в жены дочерей половецких ханов, а половецкие ханы – жениться на русских княжнах. Половчанкой была, в частности, мачеха Владимира Мономаха. Число таких обоюдных браков со временем росло³⁷, а вместе с тем на Руси увеличивались и уточнялись сведения о внутренней структуре половецкого общества. И такие сведения попадали на страницы русских летописных сводов. Но ни одного брака Рюриковича с представительницей черных клобуков источники не зафиксировали. По всей видимости, русские князья избегали родственных связей с подчинявшимся им печенегами, торками, ковуями и берендеями, считая их людьми недостойными. Такое отношение правителей древнерусских княжеств к разместившимся в этих княжествах кочевникам делало их проживание не всегда устойчивым и способствовало переселениям в иные места.

³⁷ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Russkie imena polovetskikh knyazej. Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki*, М., 2013.

* **Примечание к стр. 11:** Следует обратить внимание на то, что в военных операциях 1161 г. черные клобуки вели себя достаточно свободно. Придя под командованием князя Рюрика Ростиславича на соединение с князем Мстиславом Изяславичем, они через голову своего князя договариваются с Мстиславом, как старшим из русских князей, о разведке сил противника, а далее, преследуя Изяслава, не берут его в плен, а убивают.

** **Примечание к стр. 12:** Точное место остановки и пленения Михалки и сопровождавших его кочевников установить трудно. Неизвестно местоположение древнего Межимостья. Некоторые историки-любители, краеведы и журналисты отождествляют с Межимостьем отдельные безымянные городища домонгольского времени в Гомельской области. Однако это противоречит свидетельствам первоисточника – Ипатьевской летописи. Согласно ее показаниям Михалка направлялся в Новгород из Торческа. Шёл он сначала к Межимостью, затем к Мозырю, стоявшему на правом берегу Припяти. От Мозыря к Новгороду вёл прямой путь на север через Полоцк или полоцкие земли на Великие Луки и далее к Новгороду. Очевидно, что Межимостье находилось к северо-западу от Киева.

Список литературы

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Издательство АН СССР, 1963. – 376 с.
2. *Блажевич Н. В.* Иван // Древняя Русь в средневековом мире / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. – 992 с., илл.
3. *Горский А. А.* Слово о полку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступ. ст., подгот. текста, пер. с древнерус., коммент. и прил. А. А. Горского. М.: РОССПЭН, 2002 (ППП Тип. Наука). – 189, [2] с.
4. *Коваленко В. П.* Коуи черниговские // Древняя Русь в средневековом мире / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. – 992 с., илл.
5. *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. – 270 с.
6. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Издательство АН СССР, 1951. – 282 с.
7. *Плетнева С. А.* Коуи // Древняя Русь в средневековом мире / Под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. – 992 с., илл.

KOVUI: SETTLEMENT, STATUS, MIGRATION

V. A. Kuchkin

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History,
Moscow, Russia

The article is based on data from the Kievan Chronicle Code of 1198, which is preserved as part of the Ipatiev Chronicle. This is evidence of the chronicle articles of 1151, 1161, 1169 and 1180 about nomads – kovuy. In pre-Mongolian time, they lived in the territories of Kiev and Chernigov principalities. Together with other nomadic ethnic groups (Pechenegs, Torks, Berendeys) they served the Russian princes, participated in their internecine wars and in campaigns against external enemies. Russian princes were interested most of all in the military service of the Kovuys. Initially, this service was carried out under the command of warlords-kovuys, but then this situation began to change, and the Russian boyar appointed by the prince began to lead the kuvys. Despite the small number of information about Kovoy, it turns out that they changed their places of resettlement, trying to be closer to the Russian fortresses that protected them. In the event of acute conflicts with the ruling princes, the Kovui transferred to other principalities, where they were provided with land for living and farming. Thus, existence is fixed in the XII century in Russia, internal nomadic migrations.

Keywords: Ipatiev Chronicle, Kievan Chronicle Code in 1198, nomads-kovui, their places of settlement, organization of military service to Russian princes.

Об авторе:

КУЧКИН Владимир Андреевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по истории Древней Руси, Институт российской истории, Российская Академия наук, (Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: kuchkin_va@mail.ru

About author:

KUCHKIN Vladimir Andreevich – Grand PhD (History), Chief Researcher, Head of the Center for the History of Ancient Russia, the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russian Federation, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: kuchkin_va@mail.ru

References

- Berezhkov N. G., *Khronologiya russkogo letopisaniya*, M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. – 376 s.
- Gorskij A. A., *Slovo o polku Igorevĕ, Igorya, syna Svyat'slavlya, vnuka Ol'gova*, Vstup. st., podgot. teksta, per. s drevnerus., komment. i pril. A. A. Gorskogo, M., ROSSPEHN, 2002 (PPP Tip. Nauka). – 189, [2] s.
- Kovalenko V. P., *Koui chernigovskie*, Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire, Pod red. E. A. Mel'nikovoj, V. Ya. Petrukhina, M., Ladomir, 2014. – 992 s., ill.
- Kuza A. V., *Drevnerusskie gorodishha X–XIII vv. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov*, M., Khristianskoe izdatel'stvo, 1996. – 270 s.
- Nasonov A. N., *«Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii Drevnerus-skogo gosudarstva*, M., Izdatel'stvo AN SSSR, 1951. – 282 s.
- Pletneva S. A., *Koui*, Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire, Pod red. E. A. Mel'nikovoj, V. Ya. Petrukhina, M., Ladomir, 2014. – 992 s., ill.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018 г.